

Сегодня утром мне повстречалась
женщина с золотым носом. Она ехала
в кадиллаке и держала в руках обезьянку.
Ее шофер остановил машину, и она
спросила меня: «Вы Феллини?» И этим
своим металлическим голосом продолжала:
«Почему это в ваших фильмах нет
ни одного нормального человека?»

ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ

*Посвящается Антонио и Петруччо
с благодарностью за
все их хлопоты, стряпню, поездки*

•MA•

ИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЯЩИКА ЗВУЧИТ ЕЕ ИМЯ, И В ТОТ ЖЕ МИГ АМОР ЗНАЕТ, ЧТО ЭТО СЛУЧИЛОСЬ. Она с раннего утра была напряжена, в голове гнездилась боль, ее словно бы предупредило о чем-то сновидение, но о чем именно, она забыла. Знак или образ какой-то чуть ниже поверхности. Подспудный непокой. Подземный пожар.

Но когда слова произнесены, она им не верит. Закрывает глаза и качает головой. Нет, нет. Это не может быть правдой, мало ли что тетя сказала. Никто не умер. Это всего-навсего слово, ничего больше. Она глядит на слово, лежащее без всяких объяснений на письменном столе, как перевернутое кверху лапками насекомое.

Это стол в кабинете мисс Старки, куда ее позвал голос по громкой связи. Амор ждала и ждала этого момента так долго, воображала его столько раз, что он заранее сделался чем-то вроде факта. Но теперь, когда он настал взаправду, он кажется далеким и похожим

на сновидение. Нет, этого не случилось на самом деле. Тем более с Ма, она всегда будет жива, всегда.

Мне очень жаль, повторяет мисс Старки, пряча крупные зубы за тонкой линией сомкнутых губ. Девочки поговаривают, что она лесбиянка, но представить ее в постели хоть с кем-нибудь затруднительно. Или, может быть, раз попробовала и заработала стойкое отвращение. Каждому из нас приходится нести свой скорбный груз, добавляет она серьезным тоном, а у тети Марины дрожат плечи, и она вытирает глаза платочком, хотя всегда смотрела на Ма сверху вниз и ей без разницы, что она умерла, хоть это и неправда.

Тетя спускается с ней вниз и ждет на улице, пока Амор идет обратно в жилую часть и собирает чемодан. Она прожила тут семь месяцев, ожидая, чтобы случилось то, чего на самом деле не случилось, и не было секунды, чтобы эти вытянутые холодные комнаты, эти полы, покрытые линолеумом, не внушали ей ненависти; но сейчас, когда надо уезжать, она не хочет. Хочет одного: лечь на свою кровать, заснуть и никогда, никогда не просыпаться. Так же, как Ма? Нет, не как Ма, ведь Ма не спит.

Она медленно укладывает вещи в чемодан, а затем тащит его вниз, к главному выходу из школьного здания, туда, где стоит тетя, разглядывая прудик с рыбками. Какая там большая одна, толстая ходит, показывает она в глубину, видела ты хоть раз такую крупную золотую рыбку? Нет, говорит Амор, хотя

даже не смотрит, на что показывает тетя, да и не взаправду все это вообще.

Когда она садится в «крессиду», это тоже не взаправду, и, пока они плавно перемещаются по извилистой школьной дорожке, вид за окном какой бывает в сновидениях. Жакаранда цветет всюю, фиолетовые цветки назойливо яркие, странные. Когда подъезжают к воротам и сворачивают не налево, а направо, ее собственный голос звучит гулко, будто это не она спрашивает, куда они едут.

Ко мне домой, отвечает тетя. Забрать дядю Оки. Ночью, когда, ну, когда это случилось, мне пришлось помчаться туда сломя голову.

(Этого не случилось.)

Тетя Марина скашивает в ее сторону свои маленькие обведенные тушью глаза, но никакой реакции у девочки по-прежнему нет. Разочарование взрослой женщины ощутимо со стороны почти физически, словно она тайком пукнула. Могла бы Лексингтона отправить в школу за племянницей, но решила все-таки поехать сама, нравится помогать в тяжелую минуту — кто этого не знает? За ее круглым лицом, накрашенным, как для игры в театре кабуки, скрывается жажда драмы, сплетен и дешевого зрелища. Одно дело кровь и предательство на телеэкране, но тут реальная жизнь дарит настоящую, захватывающую возможность. Сообщить ужасную новость прилюдно, в присутствии директрисы! Но племянница, бессмыслен-

ное пухлявое нечто, и слова толком не вымолвила. С девочкой правда что-то не то, Марина и раньше замечала. Молния — вот что виной. Ох-ох, вот жалость, она после этого так и не стала какой была.

Возьми сухарик¹, сердито говорит ей тетя. Они на заднем сиденье.

Но Амор не хочет сухарик. Нет аппетита. Тетя Марина вечно что-нибудь печет и пытается скормливать людям. Астрид, сестра Амор, говорит, это чтоб не только она одна была жирной, и надо сказать, что их тетя опубликовала две книжки с рецептами выпечки к чаю, книжки имели успех у определенной, весьма заметной сейчас, категории белых женщин постарше.

Ладно, думает тетя Марина, по крайней мере, говорить с ребенком нетрудно. Не перебивает, не спорит и, кажется, воспринимает, а большего и не требуется. Ехать от школы до Менло Парка², где живут Лоубшеры, недолго, но время сегодня тягучее, такой день, и тетя Марина всю дорогу возбужденно говорит на африкаанс, говорит негромко и доверительно, со множеством уменьшительно-ласкательных слов, хотя источник ее речей не назовешь благородным. Тема обычная — то, как Ма предала семью, поменяв веру.

---

¹ Сухарики из дважды запеченного теста (rusks) — традиционное угощение в Южно-Африканской Республике. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

² Менло Парк — престижный пригород Претории, административной столицы Южно-Африканской Республики.

Точнее — вновь обратившись к своей прежней вере. К еврейской! Ее тетя постоянно заводит об этом речь все последние полгода, пока Ма болела, но что Амор может с этим поделать? Она всего лишь девочка, какая у нее власть, и к тому же что плохого в обращении к прежней вере, если человеку хочется?

Она пытается не слушать, сфокусироваться на чем-нибудь другом. Тетя, когда садится за руль, надевает маленькие белые перчатки для гольфа — модное поветрие неизвестно откуда, а может быть, просто боязнь микробов, и Амор сосредоточивается на кистях ее рук, на их подвижных бледных силуэтах на рулевом колесе. Если получится не отвлекаться от этих рук, от этих силуэтов, от коротких тупых пальцев, то можно не прислушиваться к тому, что произносят губы над этими руками, и тогда это не будет правдой. Правдой останутся только руки и обращенный на них взгляд.

...По правде говоря, твоя мама только назло моему младшему брату ушла из Нидерландской реформатской¹ в свое еврейство... Чтобы ее не похоронили на ферме, где мужа похоронят, вот настоящая причина... Путь бывает верный и неверный, и твоя мама, к сожалению, выбрала неверный путь... Ладно, что поделаешь, вздыхает тетя Марина, когда они подъезжа-

---

¹ Нидерландская реформатская церковь Южной Африки — крупнейшая кальвинистская деноминация в Южно-Африканской Республике.

ют к дому, давай просто понадеемся на Божье прощение, может быть, она сейчас покоится в мире.

Они паркуются на дорожке под навесом — красивые зеленые, пурпурные и оранжевые полосы. Дальше — диорама белой Южной Африки: пригородное бунгало из красноватого облицовочного кирпича под железной крышей, окруженное, будто крепостным рвом, белесым садом. Детский спортивный комплекс, сиротливо стоящий на большой бурой лужайке. Цементная купальня для птиц, детский садовый домик, качели из половинки автопокрышки. В таком месте и вы, может быть, выросли. Откуда все пошло.

Амор следует за тетей, ступая не столько по земле, сколько по воздуху в нескольких сантиметрах над, да и вообще какой-то маленький зазор всю дорогу до кухонной двери между ней, Амор, и всем остальным, плывет голова. Внутри дядя Оки смешивает себе коньяк с колой, вторая порция за утро. Он недавно ушел на пенсию с государственной службы, был чертежником в департаменте водного хозяйства, а теперь влачит дома вялые дни, посасывая желтоватые усы курильщика. Жена, нагрянув, заставляет его виновато встрепенуться. У него был не один час, чтобы одеться как следует, но до сих пор на нем треники, рубашка поло и резиновые шлепанцы. Туповатый мужчина с редящими волосами, зачесанными вбок и набриолиненными. Он заключает Амор в липкие объятия, из-за чего обоим делается очень неловко.

Сочувствую твоему горю, говорит он.

Ничего, ничего, отвечает Амор и тут же принимается плакать. Что, ей весь день будут сочувствовать из-за того, что мама... это? Когда плачет, она чувствует себя уродиной, этаким лопнувшим помидором, и думает, что ей надо выйти, срочно покинуть эту жуткую маленькую комнату с паркетным полом, лающим мальтийским пуделем и глазами тети и дяди, вонзающимися в нее, точно гвозди.

Торопливо проходит мимо сумрачного аквариума дяди Оки, дальше коридором со щербатой отделкой оштукатуренных стен, популярной в этих краях в эти годы, в ванную. Нет нужды останавливаться на том, как она смывает слезы, разве только упомянуть, что, все еще шмыгая носом, Амор открывает медицинский шкафчик и заглядывает внутрь, как она поступает в каждом жилище, где ей доводится бывать. Иногда находишь интересное, но эти полки полны унылых предметов — таких, как тюбики с пастой для зубных протезов и свечи от геморроя. Теперь она чувствует себя виноватой, что посмотрела, и во искупление вины должна пересчитать предметы на каждой полочке и расположить их в более приятном порядке. А потом соображает, что тетя заметит, и снова все перемешивает.

Возвращаясь по коридору, Амор задерживается у открытой двери, ведущей в комнату ее двоюродного брата Вессела, младшего и самого крупного из де-